

*Чернова С.В.,
студентка 3 курса ЧГУ им. И.Н. Ульянова*

Чувашская кукла(пукане) и связанные с ней традиционные народные представления

Специальных работ, посвященных этой теме, не имеется. Источниковой базой являются довольно таки скудные материалы, выявленные нами у информаторов, фольклорные тексты, опубликованные в сводах чувашского фольклора с упоминанием использования куклы в различных обрядах, «Словарь» Н.И. Ашмарина, труды В.К. Магницкого, Г.И. Комиссарова, В.А. Сбоева и др.

В работе предпринята попытка раскрытия таких понятий как йёрёх пукани, чүк пукани, тўркелли пукани и др.

Можно предложить следующее общее определение куклы. Кукла – изображение, предмет, часть тела человека, на которые переносятся свойства живого существа как сверхъестественного (бог, дух), так и реального (человек, животное). Наделение куклы движением как основным признаком жизни не столь обязательно. Главное – вера в наличие у нее собственного сознания, мышления, воли, чувств.

Своей якобы самостоятельной жизнью кукла может внушить трепет и страх человеку, но чаще она «говорит» на языке доброжелательном.

В работе В.К. Магницкого «Из поездки в село Шуматово, Ядринского уезда Казанской губернии» встречаем довольно скудное упоминание о детской игрушке (поганя): Изображают свах в свадебном посзде. Крышка от спичечной коробки на груди у одной заменяет «шулгеме» Приобретены в деревне Кильдиши в обмен на ситцевые лоскутья» [6, с. 160].

Конструкции народных кукол очень оригинальны и многообразны, но просты и остроумны. Крестьянские игрушки выполняли, кроме основной игровой задачи, роль обрядового и магического предмета, атрибута семейной или общественно-родовой праздничной культуры. Кукла выполняла следующие функции: обрядово-магическую, воспитательно-образовательную, коммуникативную и эстетическую.

Патриархальное мышление и культура тяготели к неизменности, незыблемости, были хранилищем очень древних представлений. Однако мифологическое значение со временем утратило свое семантику. И тогда находилось эстетическое объяснение. Так, например, отсутствие лица у тряпчатых кукол роднило их с практическими воплощениями древних богинь, взгляд которых считался опасным для человека. Кукла, изначально мыслившаяся одушевленной, могла стать вместилищем духов. Поэтому люди, боясь навлечь на своих детей их гнев, хотели оградить от влияния злых влияний нечистой силы. Позже отсутствие лица объяснялось неумением его красиво нарисовать [4, с. 29].

Характеризуя куклу как культурный объект, известный культуролог Ю.М. Лотман в 1970-х годах поделил кукол на две группы, соответствующие обрядовому и индивидуальному типу мышления [5, с. 65]. Первая разновидность куклы, кроме детской игры, использовалась в народной обрядовой жизни. Ее качество – схематизм, оживление в обрядовом сознании через игровой процесс, схематизм в получении информации сосредоточены в адресате. Кукла вторая – скульптурное изображение, становилось произведением искусства, сосредотачивая активность на себе самой, становилась посредником между творцом и зрителем.

Неслучайно игрушки было принято бережно хранить. Куклы, например, передавали по наследству от матери к дочери. Символизировавшие плодородие и деторождение, они были атрибутами свадебного ритуала. И девичью игру в куклы поощряли вплоть до рождения первого ребенка. На свадьбах кукла была символом самой девушки и ее чистоты. Молодые замужние женщины играли с куклами до рождения первого ребенка, и их оберегали при этом занятии. Кукол передавали по наследству, клали в придание, хранили в специальных коробейках, приучали детей не оставлять их на улице, не разбрасывать по дому. Считалось, чем больше кукол, как детей в доме, тем лучше, и что

если дети много играют с куклами, беда обходит семью стороной. Можно предположить, что куклы связывались с идеей плодородия, благополучия, добра.

Ярким подтверждением сказанному является следующий текст, извлеченный нами из свода «Халăх пултарулахĕ»: «Йĕрĕх пуканисене вара чăваш хĕрарăмĕ тум тумлантарса хайсем тунă та ана Турă вырăнне шутланă. Вĕсем, ватгисем каланă тăрăх, килти телее тытса усранă, пукане çемĕрĕлсе саланса пĕтсен кил-çурт та саланать тенĕ. Вĕсене клатавуйсенче, кĕлтсенче усранă. Çулталăкра виçе хут чÿк тунă. Кам пуканесене кирлĕ маршăн тытнă, ана йĕрĕх суккăр, алăсăр-урасăр тунă е урăх чире ертсе хытă асаплантарнă. Ун пек чух вара сывалас тесе йĕрĕх пуканисене сырлахтарнă та, сын сывалнă.

Çемьерен сын уйрăлса тухать пулсан килти ватгисем йĕрĕх пукани туса чÿклеттернĕ те уйрăлса тухакана парса янă. Ку пукани уйрăлса тухаканăн кил-çуртне инкек-синкекрен усранă тет» [9, с. 233].

Видный чувашский ученый В.К. Магницкий в специальном труде, посвященном чувашскому Йĕрĕхĕ пишет следующее: «Ирих – вещь родовая, наследственная; переходит из рода в род, но с того места, где раз назначено ему быть не трогаются до сгниения или случайного исчезновения амбара или лачуги, в которых он хранится. По мнению чуваш, ирих есть какое-то целебное вещество или божество, предохраняющее их от глазных болезней, вететов и других подобных нарывов; заболит, например, чувашин глазами и вот он начинает молить «ирих» [7]. Словом Ирих чуваша называют духа. Наружным изображением его служит кукла, представляющая девушку [Там же].

В словаре Н.И. Ашмарина дается следующее пояснение: «Йĕрĕх женское изображение – кукла, сделанная из тряпок, с красной головой, в чувашском костюме. Йĕрĕх невидим; местопребывание в лукошке, сделанном из вязовой коры и помещающемся в клетки, где-нибудь в углу, за дверью, как у нас в клетки. Лукошко это, в прочем, может висеть и на другом месте, напр. на стене амбара, конюшни и др. [1, с. 1420].

В.А. Сбоев ссылкой на труд А.А. Фукса излагает: «Ирих не простой кусок олова, но маленький идол, с руками, ногами, глазами и величиною в вершок» [Сбоев, 2004, 21].

Смеем предположить, что данная кукла наследственная, и она передавалась по наследству по материнской линии, т.е. от матери к дочке.

Материал, выявленный нами из следующего источника дает основание утверждать, что йĕрĕх пукани являлась неким оберегом, символом благополучия в семье: «Ĕлĕк пуян сынсем хĕрсене те йĕрĕхсем парса янă, йĕрĕхсĕр пĕр хĕр те кайман. Йĕрĕх парса ямасан пурнăç анмасть тенĕ» [9, с. 232].

Согласно тексту, выявленному в архиве в свадебном обряде, применялись куклы обоого пола, они символизировали брак: «Качча каякан хĕрсене амăшĕсем ĕлĕк кашнинех икĕ цукане (арсынпа хĕрарăм кĕлетки) парса янă. Вăл пуканесене амăшĕ темшĕн хай хĕрĕ сисиччен, вăл курман сĕре ун япалисемпе пĕрле парса янă. Качча каякан хĕр амăшĕ пуканесене аста хунине пĕлсен те пĕртте чарман: хай пĕлмен пек пулса ирттерсе янă. Амăшĕ вăл пуканесене е хĕрĕ сÿпçи тĕпне хурса янă, е кĕписем сыххи ашне хурса янă. Хашĕ тата тÿшек-минтер ашне хурса ярать тесçĕ» (ЧПГАИĀА, 1, 177, 646-647).

О существовании целого обряда Йĕрĕх чÿкĕ свидетельствует следующий текст: «Йĕрĕх –сынна, уйрăмах арăмĕпе упăшкине, пулăшакан ыра вай. Йĕрĕх кунтăкне кĕркунне ылмаштарнă. Ахаль чухне ача-пăчан е ют сынсен ана тивме юраман. Чÿклемесен е хисеп тумасан йĕрĕх «тытма», чир-чĕр яма пултарать тенĕ. Вăл пулăшнине, харкашнине, пĕр-пĕрне итлеменнине юратман» [9, с. 231].

По данным чувашского фольклора мы можем предположить, что наравне с йĕрĕх пукани существовала и тÿркелли пукани. Материал, собранный нами показывает, что также как и йĕрĕх пукани эта кукла вместе с кузовом передается по материнской линии. Изготавливается кукла по тому же образцу. Передается по наследству. Куклы переданные дочери по наследству до седьмого колена переходят из разряда йĕрĕх пукани в разряд тÿркелли пукани. И по свидетельствам становятся оберегами всей деревни: «Пĕр-пĕр хĕр хай пĕчĕк чухне пуканесем тăвать; çав пуканесене качча кайнă чухне илсе каять. Унтан вăл пуканесене юратнă хĕрсене парса янă, çавсемпе пĕрлех йĕрĕх кайнă. Çав пуканесем çемĕрĕлмесĕр сичĕ сыпăка ситсессĕн Тÿркелли пулнă вара.

Пёр пуканене пёр пәсмасәр сиче сыпәка ситиччен хёртен хёре парса ярсан Түркелли пулать» [9, с. 240].

«Түркелли пукани вәл ялсен сыхлавси пекки пулнә. Вәл этем сәнлә та, урәх чёр чун сәнлә та пулма пултарнә. Түркелли пурәнмалли вырәнә ампар е мунча, е юри тунә пёчк сурт пулнә. Хәшпёр сёрте түркелли кәлеткине пукане пек туса лартнә. Түркеллине те авлантарнә, ун валли хёр пукане тата сүпсе тунә, сүпси әшне пёчиккә кәпесем тата пир татәкәсем чикнә. Сав килтех хёрне качча панә чухне пуканине упәшкин килне туйпа әсатнә» [9, с. 240].

Фольклорист Г.И. Комиссаров в «Чуваших Казанского Заволжья» указывает на то, что: «Местами (например, в Уфимской губернии) делали, кажется, и изображения түркелли в виде деревянной куклы не только для всей деревни, но и в отдельных домах. При выходе замуж дочери домохозяин делал куклу женского пола и кадочку с приданым и все отвозил в дом жениха» [8, с. 83].

Широко применялась чувашами кукла и применяется по сей день в похоронно-поминальных обрядах, обрядах юмәс йәли-йёрки (знахарей и колдунов). Нами зафиксированы много примеров того, что кукла используется в этих обрядах, но детального описания самой куклы, подробная технология изготовления куклы настолько скрыта, что и не понятна. Часто информаторы ограничиваются следующим фактом: «Султаләкра пёр йәхран темиҫе виле тухсан, иккәмеш вилепе пукане парса ярассә», что служит свидетельством того, что данная кукла является заместителем живого человека, предполагаемого покойника.

Обряд укладки куклы в гроб происходит, по словам информаторов и в следующих случаях: если из жизни уходит один из близнецов или же на голове имеются два завитка (неслучайно у чувашей распространено ёненү-поверье: человек с двумя завитками женился во второй раз) являются поводом отведения злого духа Чуи или Эсреля. Кукла, применяемая в похоронном обряде, изготавливается из остатков материи, которым обвязывается гроб и кладется в него прямо с покойником, причем присутствующие не должны это видеть [2008: Афанасьева М.М. Вурнарский район ЧР].

Нам удалось записать следующую информацию у башкирских чувашей о том, что при болезни по воле отправляется деревянная кукла: «Виле пыган пукане туса шывна юхтарса ярассә. Пуканине йывәррәя касса әстәләссә пулмалла. Ширён ялта пёрсен әшнә шыво пугса вилчә. Уйән хёрә вәл вәхәтра йывәрләччә. Савә вәхәт ситсен ача турә, анчан ачи айәшлә суралчә. Илтместчә вәл. Сынсем теләнетчә. Мәнле-ха кашла, виле тынә пуль тесе пукане те шывна юхтарса ятамәр, усса килмерә» [2008: Афанасьева Л.А. Пушкәрт респ.].

По поводу того, что через обрядовую куклу могут передаваться всякие болезни имеем: «чүк пукани. Чүк туса пётерсен, юмәсә уксине пукане тутарса, пукани аркисене илемлә пусмасемпе тыттарса пётернә, икә тенкә укса чёркесе эмеллетгерсе пәрахнә. Сак пуканене пирәнпе пёрле вёрәннә ача Егор Васильев тупнә. Униа пёрле ытти сьшсем те пулнә. Вәл пуканене илсе, шәлна кышласа суркаласа пётернә. Уксине Ванси ятлә сын илнә. Савантан кайран нумай та тамарә - Егор чирлерә. Халәх хушшинче пурте: Егор чүк пуканине суркаланипе чирленә, әна пукане сүмәнчи усалсем аптәратассә, тесе кёрлетчә» [1, с. 257].

Такие традиции связанные с обрядовой куклой встречаются у всех народов Приволжско-Уральского региона, у сибирских тюрков. Удмурты также использовали кукол в поминальных обрядах. Тряпичных кукол, одетых в национальный костюм, прикрепляли к сучьям кладбищенских деревьев или вешали на могильный крест [11, с. 36].

Чуваши изготавливали кукол-манекенов. Каждая такая кукла-манекен изготавливалась для конкретного лица и была своего рода заместителем умершего, его знаковой моделью. Учитывая этот факт, почерпнутый из мировоззрения древних, можно считать, что в каждом конкретном случае имя усопшего переносилось на его изображение в виде куклы. В настоящее время поминальные куклы-манекены не делают, хотя обряд сохранился. Вещи усопшего аккуратно раскладывают на кровати, рядом ставят стул, стул с поминальной пищей и питьем. На спинку стула накидывают полотенце, создавая условную видимость бывшего манекена.

Распространен был среди чувашей-язычников обряд юпа. «Установка надгробия сопровождалась сложнейшим обрядом, во время которого выполнялись элементы древнейшего ритуала погребения, заключавшегося в следующем: «Близкие родственники отправлялись в лес и срубали там дуб или липу. Очистив от листьев обрубок дерева высотой примерно в человеческий рост и обернув его кошмой, везли домой. В этнографической литературе встречается упоминание, что на чурбан надевали подобие головного убора. ... Дома чурбан укладывали на постель покойника, одевая, в некоторых случаях, в его собственный костюм. Чурбан, символизировавший покойника, везли, на кладбище на лошади и устанавливали на могильную насыпь утолщенным концом вверх» [ЧЭИ, 1970, 162].

Бытовала традиция хоронить куклу в момент болезней, недорода, других бедствий, что выдавало семантическое отождествление ее с духом несчастья.

Условная обрядовая кукла имела большую свободу применения. Широко известна использовавшаяся в различных обрядах у многих народов кукла в виде деревянной чурки («Рождественское полено» в Европе, «колодка» у славян). Весной в некоторых русских губерниях женщины целую неделю праздновали рождение, свадьбу, похороны Колодки. Совершая с ней соответствующие действия, украшенный столб или деревце. Уничтожавшиеся через потопление в мае, июне в тот момент, когда народившимся зеленым побегам была особенно нужна влага, также могут считаться аналогами Колодки [3, с. 26]. Эта простая кукла была отголоском древних культов деревьев и производительной силы природы.

В деревне Русские Атаи Красночетайского района Чувашской Республики традиционно проводят обряд, так называемый Кукла. «Через неделю после троицы, примерно в июне в нашей деревне проводится кукла. Где-то ближе к обеду молодежь идет в лес. Готовится кол в виде креста и ставится в лесу. Парни изготавливают плетки из коры деревьев в двенадцать плетей. Кто-то один руководит этим обрядом. Кукла наизывается, украшается разными видами трав, цветами, напорошиком. Придельывают кукле косу, венок на голову. Раньше подготовленную таким образом куклу приносили в деревню на руках, сейчас привозят на машине. Ставится эта кукла во двор к людям. Потом молодежь и взрослое население надевают праздничные наряды и собираются в тот двор, где установлена кукла. Происходит отпевание этой куклы. Молодежь водит хороводы. Ребята охраняют куклу. Тех, кто попытается вырвать траву с куклы, наказывают плеткой. Ближе к 6 часам вечера кукла выносится в поле. В этом весь смысл. Потом с куклы растаскивается вся трава. Кто скотину скармливает, кто что. А тот, кто вырвет косу или венок, по наблюдениям выходит в этот год замуж. Потом все возвращаются домой, веселятся. А кол остается в поле. В один год (то ли во время войны) деревня не наряжала куклу. И сгорело много домов. После этого случая традиционно проводим куклу» (2008: Антипова, Красночетайский район, д. Русские Атаи).

Литература

1. Ашмарин, Н.И. Словарь чувашского языка: В 17-ти томах / Н.И. Ашмарин. – Казань – Чебоксары, 1929-1950.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В: 4-х томах. Т.2. И – О. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – С. 216.
3. Ковычева, Е. Кукла в диалоге культур / Е. Ковычева. – Ижевск, 2002.
4. Ковычева, Е. И. Народная игрушка / Е.И. Ковычева. – Ижевск, 2006.
5. Лотман, Ю.М. Куклы в системе культуры // Кукарт. – 1992. – № 3.
6. Магницкий, В.К. Из поездки в село Шуматово, Ядринского уезда Казанск. губ. / В.К. Магницкий // ИОАИЭ. Т.3. – Казань, 1884. – С. 160 – 170.
7. Магницкий, В.К. Об ирихах у чуваш / В.К. Магницкий // ИОАИЭ. Т. 9. – Казань, 1890. – С. 1 – 13.
8. Комиссаров, Г.И. О чувашах: Исследования. Воспоминания. Дневники, письма / Сост. и примеч. В.Г. Родионова; Предисловие Л.П. Куракова. – Чебоксары: Изд – во Чуваш. ун-та, 2003. 528 с.

9. Халӑх пултарулаӑхӗ: Мифсем. Легендӑсем. Халапсем. – Шупашкар: Чӑваш кӗн. изд-ви, 2004.
10. Чуваши. Этнографические исследования. Чебоксары, 1970.
11. Шутова, Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. – Ижевск, 2001.

Архивный материал

1. ЧПГАИ АА, 1, 177, 646-647.

Список информаторов

1. 2008: Афанасьева Лира Аркадьевна Бижбулякский район, Башкирской Республики
2. 2008: Антипова Ирина Григорьевна Красночетайский район ЧР
3. 2008: Афанасьева М.М. Вурнарский район ЧР.

*Бурков Л.Н.,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ
кандидат филологических наук, г. Йошкар-Ола*

Современные марийские детские произведения в журналах и книгах

Зарождение марийской литературы на основе перевода религиозных книг и фольклора происходило в XVIII веке. Учащиеся марийских школ знакомы с первыми художественными произведениями, переведенными учениками и семинаристами новокрестьянских школ и духовных училищ. По сравнению со старыми программами по литературе последнее издание содержит некоторые новшества в подборе художественных произведений, порядке изложения материалов по теории и критике литературы и практическим занятиям. В хрестоматии и учебные пособия включены рассказы, повести, романы некоторых современных прозаиков, стихотворения и поэмы, баллады молодых поэтов, пьесы современных драматургов. Произведения братских финно-угорских и соседних народов, также развитие их художественной литературы не изучается. Остро стоит вопрос развития художественной литературы, выпуск книг с интересными и поучительными произведениями. Несмотря на то, что детская литература всегда стояла на первом месте, содержание художественных произведений и качество оформления книг улучшаются медленно.

В современной марийской литературе писателями, посвятившими свое творчество детям, являются В. Крылов, А. Федоров, С. Архипова, А. Якушева. Из марийских детских писателей среднего и старшего поколения можно назвать А. Федорова, А. Богданова, В. Регеж-Горохова, В. Марышева, С. Коробейникова, В. Абукаева-Эмгака, А. Якушева, И. Лобанова, И. Горного. Журналисты и писатели, ведущие детские рубрики в газетах и журналах А. Тимиркаев, М. Кудряшов, З. Дудина, Л. Семенова, С. Григорьева, А. Шакирова, Г. Сабанцев, Ю. Соловьёв, Ю. Исаков, Ю. Григорьев пишут и редактируют детские произведения. Дети дошкольного и младшего школьного возраста любят читать интересные, веселые по содержанию художественные произведения. Таковы, например, короткие рассказы, сказки и стихотворения современных авторов А. Богданова («Кайык Онар дек чонешта» – Птицы летят к Онару» (1994); «Шулдыран хор» – «Крылатый хор» (2000); «Онар чодыраште» – «Онар в лесу» (2006) и другие), стихи Э. Анисимова, поучительные рассказы В. Егорова (книга «Йуксо-комбо» – «Гуси-лебеди», публикации в газете «Ямде лий»), А. Федорова («Пинь-Пинь ден Зинь-Зинь», «Юзо тоя» – «Волшебная трость», «Шулдыран танна-влакын мурышт» – «Песни крылатых друзей»), пьесы в